

Ф. АНСЕЛО

**Шесть месяцев в России:
Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году,
в пору коронования Его Императорского Величества**

<Фрагменты>

Письмо XXXVII

Москва, август 1826 года

Церемония коронования, так долго откладывавшаяся, назначена наконец на 22-е число этого месяца (3 сентября по нашему календарю). Герольды возвестили об этом по всей Москве, и новость эта удвоила рвение строителей, заставила быстрее биться сердца придворных, взбудоражила честолюбцев и ввела надежду под своды тюрем. Приближение торжественного дня волнует население этого обширного города, и одно простое событие, хотя имеющее важное политическое значение, произвело здесь сенсацию. Я говорю о неожиданном приезде в Москву великого князя Константина*. Завеса таинственности, окружавшая отречение этого принца от престола предков, к которому его призывало и рождение, и желание армии, мятеж, сделавший его имя призывным кличом, заронили во многих умах сомнения в искренности его заявлений. Каких только сплетен не пускали возмутители спокойствия в народ, который всегда склонен встать на сторону гонимого! Рассказывали, что цесаревич арестован в Варшаве, что ему воспрещен въезд в города, где опасаются его присутствия,

---

* Константин Павлович (1779–1831), великий князь; с 1815 г. — фактический наместник Царства Польского.

и что, воздерживаясь от приезда сюда, он протестует против воцарения брата. Лицемеры с осуждением говорили об интригах, жертвой которых якобы пал великий князь, и сожалели об участи изгнанника. Простодушные принимали эти сплетни на веру^{*}, а сам я, признаюсь, не знал, как толковать это отсутствие, рождавшее столько домыслов.

Вдруг стало известно, что великий князь прибывает в Москву. Новость мгновенно облетает город; в хижинах и во дворцах, в харчевнях бедняков и в модных магазинах она становится главной темой разговоров. Вскоре наступает час ежедневного парада, цесаревич должен появиться вместе с императором и великим князем Михаилом на Кремлевской площади, где собираются войска. К площади устремляется толпа народа, каждый желает увидеть лицо великого князя и понять, каковы его чувства. Наконец трое братьев спускаются по ступеням дворца, взявшись за руки. По мере их продвижения вперед со всех сторон раздаются приветственные возгласы, в воздух взлетают шляпы и чепцы. Люди толкают друг друга, вытягивают головы; повсюду разносится «Ура, Константин!».

Устремив глаза на цесаревича, я старался не упустить ни малейшего его движения и не могу передать тебе, как меня тронула его благородная манера держаться в том деликатном положении, в какое поставил его энтузиазм народа. Лицо его, оставаясь сдержанным, дышало открытостью; с какой внимательной заботливостью переносил он на императора те почести, которые воздавались неожиданному явлению его самого! Взгляд его не выражал ни тени торжествующей гордости, еще меньше было в нем сожаления; в нем читались лишь душевная удовлетворенность и спокойствие человека, внявшего голосу своей совести, и сознание выполненного долга. Каждое движение, каждый жест цесаревича, казалось, говорили народу и солдатам: «Будьте, как и я, верными подданными моего брата».

Мне известно, мой друг, что многие в Европе не верят в то, что возможно устоять перед притягательностью верховной власти, од-

* О слухах по поводу отречения Константина Павловича от престола см.: Кудряшов К. В. Народная молва о декабрьских событиях 1825 года // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 311–320; Сыроежковский Б. Московские «слухи» 1825–1826 гг. // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 3. С. 79–85; Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 126–128.

нако среди тысяч людей, ставших, как и я, свидетелями прибытия великого князя в Москву, не найдется ни одного, кто усомнился бы в его искренности. Да, люди готовы признать, что правители, подобные Дионисию, Сулле или Карлу V*, пресытившись властью и почестями, покидали престол, познав все доставляемые им радости и тревоги, однако с трудом верят в то, чтобы наследник короны мог отступить при виде ожидающего его трона, и в чем только не пытаются отыскать мотив, побудивший его к столь необычной жертве. Принца, явившего первый в истории пример такого шага, преследуют тысячи кривотолков. Мне же представляется, что за объяснениями далеко ходить не надо и нет нужды множить предположения, чтобы объяснить отречение цесаревича. Исполненный глубокого уважения к желаниям своей матери, человек истинно верующий, он не захотел взять назад слова, данного им брату при вступлении в брак, и верность клятве ничего не стоила его сердцу. Скромный в своих вкусах и привычках, любимый супруг обожаемой им женщины, не завидующий могуществу, с коим сопряжено столько тягот и обязанностей, он предпочитает царскому достоинству тихое счастье. Это может удивлять, не спорю, но кто смеет осуждать его? Я склоняюсь перед философом-практиком, каких столь редко приходится видеть в наши дни, тем более рядом с престолом.

Письмо XXXVIII

Москва, сентябрь 1826 года

Все колокола зазвонили в Москве в назначенный час, и их долгий перезвон объявили древнему городу наступление того дня, что освятит власть нового государя и призовет на его царствование благословение Всевышнего. Старики и молодежь, богатые и бедные,

---

* По легенде, тиран Сиракузский Дионисий II младший (ок. 397–344 до н. э.) добровольно сдал город коринфскому полководцу Тимолеону и удалился в Коринф. Сулла, Луций Корнелий (138–78 до н. э.) — римский полководец. В 82 г. до н. э. стал диктатором, в 79 г. до н. э. сложил с себя полномочия. Карл V (1500–1558) — император Священной Римской империи (1519–1556), испанский король Карлос I в 1516–1556 гг., из династии Габсбургов. В 1555 г. добровольно передал своему сыну Филиппу II управление наследственными владениями (Испания, Нидерланды, Неаполь и Сицилию), а в 1556 г. отказался и от императорского престола.

дворяне и купцы, господа и рабы — всё приходит в движение, всё устремляется к единой цели. Изящные амфитеатры, возведенные на площади и во дворах Кремля, уже заполнены привилегированными зрителями, чье нетерпение опередило восход солнца. Пышные экипажи послов, запряженные шестерками лошадей в сверкающей упряжи, пересекли двойной ряд любопытствующих; двери храма распахнулись, и, пока сюда собираются высшие сановники империи и представители народа, окинем беглым взглядом церковь, где через несколько мгновений состоится августейшая церемония, свидетелем которой мне посчастливится стать.

<...> Но вот церемониймейстеры уже проводят на их места тех, кто должен будет находиться в священной ограде. Сановники, старейшины купеческих гильдий, предводители дворянства всех губерний, представители азиатских провинций, Войска Донского и платящих дань народов пересекают церковь, и остаются лишь те из них, кто по возрасту или чину назначены представительствовать. Ее величество императрица-мать стоит под балдахином; слышен артиллерийский салют, звон колоколов, возгласы народа; на столе, накрытом золотой парчой, я вижу на подушках знаки царской власти.

Император и императрица трижды поклонились алтарю, коснулись губами образов, воссели на трон, и все смолкло, кроме голосов епископов, архимандритов и священников. Они пели псалом, священные стихи которого напоминали новому монарху о милосердии и правосудии.

Облаченный в ризу, сверкающую золотом и драгоценными камнями, в ослепительной митре, митрополит Новгородский, прочтя Евангелие, подает императору горностаевую мантию; его величество надевает ее, испрашивает венец, принимает его из рук митрополита и возлагает себе на голову. Затем, взяв в правую руку скипетр, а в левую державу, молодой царь садится и остается все то время, пока митрополит читает молитву. Потом он подает знак, приближается императрица, и ее августейший супруг, коснувшись ее лба императорской короной и как бы приобщив тем к своей власти, возвращает венец себе на чело, а на голову императрицы возлагает небольшую корону, украшенную алмазами, и дополняет ее императорской мантией и Андреевской лентой.

За речью митрополита, обращенной к императору, следует торжественное пение «Тебе Бога хвалим»; начинается служба, и государь снимает корону. Когда царские врата открываются, двое

епископов приближаются к трону и объявляют их величествам, что настал момент совершения таинства. Император, а за ним императрица, следя за иерархами, подходят к алтарю по ковру из золотой парчи, идущему от трона. Митрополит Новгородский погружает в сосуд с елеем золотую ветвь и касается ею лба, век, ноздрей, губ, ушей, груди и рук императора, а митрополит Киевский отирает следы помазания. Затем ветвь опускается на лоб императрицы, их величества встают на колени перед алтарем и, причастившись, возвращаются на трон до конца службы. После этого царь вновь надевает венец и члены его семьи подходят воздать ему почести.

Императрица-мать, приблизившись к своему августейшему сыну, не могла скрыть волнения. На глазах ее показались слезы, но то не были лишь слезы счастья: наверное, печальное воспоминание говорило ей о том, что однажды она уже участвовала в такой же церемонии*, и уста ее так же напечатлели материнский поцелуй на руке российского монарха. Когда великий князь Константин склонился перед братом, царь, подняв его с колен, открыл объятия принцу, чья благородная душа некогда отказалась от целой империи. Эта трогательная сцена взволновала все сердца, и если бы мне предложили в этот момент решить, кто из братьев счастливее, я рассудил бы не колеблясь: разве не более счастлив тот, кто отдает?

В ограде, где завершалась церемония, великолепие священнических одеяний, пышность мундиров и блеск брильянтов на платьях придворных дам слепили глаза, но наибольшую оригинальность и своеобычное очарование придавала празднеству пестрота разнообразных костюмов. Европа и Азия смешались в этом соборе воедино. Взор останавливался то на живописном одеянии посланцев Дона и Кавказа, блистающем рядом с кафтаном московского купца, то на элегантном европейском мундире, заметном неподалеку от сверкающих грузинских украшений и татарского военного костюма. Если размеры храмов и торжественность наших религиозных церемоний придают коронованиям наших королей более величественности, то они никогда не предоставляют подобного разнообразия нарядов, лиц и выражений, какое отныне и навсегда запечатлелось в моей памяти.

---

* Имеется в виду коронация старшего сына императрицы Марии Федоровны (1755–1828), императора Александра I (1801).

Когда император и императрица покинули Успенский собор и направились в церковь Михаила Архангела, дипломатический корпус выстроился на Красном крыльце, ведущем во дворец, и там глазам моим представилось самое изумительное зрелище, какое мне когда-либо доводилось видеть. Амфитеатры, возведенные во дворе Кремля для зрителей, были заполнены массой народа, чьи возгласы сливались со звоном колоколов, пением священников, музыкой и артиллерийским салютом. Мужчины были одеты в праздничные костюмы, тысячи женщин блестали украшениями на солнце, которое, казалось, с любовью озаряло эти ожерелья и цветы на их головах, ласкаемые обманутым зефиром.

Молодая императорская чета в сопровождении блестящего кортежа прошествовала в церковь Св. Михаила, где царь в венце, со скипетром и державой в руках, поклонился могилам своих предков. Столь малое расстояние, отделяющее ограду, предназначенную для торжеств коронаования, от места, отведенного вечному покою, — верный прообраз скоротечности жизни, и религия берет на себя обязанность напомнить о небытии новому монарху, принявшему регалии, что составляли некогда гордость ушедших в мир иной.

После нескольких минут отдыха все направились в зал, приготовленный для императорского банкета. Вскоре император спросил пить, и тогда заиграл оркестр, помещавшийся в углу зала; но я уже не мог расслышать этой музыки, ибо она была сигналом к отбытию дипломатического корпуса и иностранцев, которые должны были покинуть зал, где лишь высшие сановники и священники остались разделить царскую трапезу.

Такова, друг мой, была церемония, которую я должен был описать тебе и ради которой приехал издалека. Менее величественная, чем реймсская*, она, пожалуй, более живописна**. Единственное,

* С 1179 г. французские короли короновались в Реймсском соборе.

** Мармон вспоминал про церковь, в которой происходила церемония: «Церковь эта похожа скорее на часовню, поэтому, чтобы сделать церемонию более пышной и чтобы публика смогла участвовать в ней, был выстроен амфитеатр, объединивший три соседние церкви, которые император обошел вместе со всем семейством. Таким образом разместили 6000 зрителей. В деталях церемония почти не отличается от реймской. Что действительно достойно упоминания — это то, что коронование здесь предшествует миropомазанию и причастию, тогда как во Франции корона возлагается на голову нового монарха и он восходит на трон лишь после принятия святых даров. По этому различию в обряде можно судить о разнице в стоящих за ним представлениях» (Marmont. P. 79–80).

чем я остался не удовлетворен, — это костюм самого императора. На нем были военный мундир с черным воротником и высокие ботфорты с длинными шпорами, что показалось мне совершенно не подходящим к длинной пурпурной мантии, подбитой горностаем, покрывавшей его плечи, к короне с брильянтами, скипетру и державе, блиставшим в его руках. Однако сегодня в России военный ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом не может являться без мундира, и государь подает тому пример.

Я не мог бы лучше завершить это письмо, мой дорогой Ксавье, как повторив прелестную остроту, которую приписывают императору. Если она и в самом деле принадлежит ему, то многое говорит и о его уме, и о душе. Все дни, предшествовавшие коронованию, были отмечены в Москве сильными грозами, но в этот торжественный день солнце не скрылось ни на одно мгновение. Говорят, что великий князь Константин, указав на это удивительное обстоятельство императору, воскликнул: «Какой прекрасный день, брат мой!» — на что царь отвечал: «Чего же было мне опасаться, ведь рядом со мной громоотвод!» Деликатный намек, потому что именно именем Константина заговорщики пытались вызвать грозу в обществе, а его присутствие в Москве и лояльное поведение полностью исключали повторение подобных событий¹.

Письмо XL

Москва, сентябрь 1826 года

Три вечера подряд весь город был иллюминирован. Впрочем, за исключением общественных зданий, здешняя иллюминация ничем не примечательна, поскольку здесь нет обычая выставлять плошки в окнах частных домов; их ставят у дверей и вдоль тротуаров. Поэтому наше внимание привлекут к себе только казенные здания, но их в Москве столько, что каждый квартал города приобрел самый праздничный вид.

Признаюсь, мне всегда казалось странным, что правительство само организует и оплачивает веселье, призванное свидетельствовать о чувствах толпы. Мне кажется, что в таких торжественных обстоятельствах, которые, как считается, всегда вызывают радость в народе, он и должен выражать свои чувства. Власти, однако, предпочитают сами преподносить себе праздничный букет: поистине вернейшее средство получить его.

Как бы то ни было, огненные гирлянды, пылающие шифры и сияющие вывески на домах являли собой восхитительное зрелище, но прекраснее всего был сверкающий огнями Кремль. Плошки повторяли контуры его зубчатых стен, причудливые очертания дворца и купола церквей. Колокольня Иван Великий, украшенная стеклами искусно подобранных цветов, высилась на фоне темного неба подобно башне волшебного замка, в окна которого каприз чародейки вставил рубины, сапфиры и изумруды. Множество народа собралось в Китай-городе полюбоваться этим великолепным зрелищем. Необыкновенно трудно было пробраться сквозь многочисленную толпу, двигавшуюся во все стороны между экипажами всех родов, которые к тому же постоянно сталкивались и цеплялись один за другой. Несмотря на все меры предосторожности, принятые полицией, невзирая на удары кнута, щедро раздававшиеся направо и налево казаками, без многочисленных жертв не обошлось. На следующий день в Москве говорили, что за вечер было задавлено крестьян на две или три тысячи рублей, и искренне жалели их владельцев.

Маскарад, устроенный в Большом театре, был первым из празднеств, которые теперь следуют в Москве одно за другим. Императорский театр, построенный несколько лет назад на Петровке, — здание благородного и строгого стиля. Фасад его выходит на красивую площадь и украшен перистилем из восьми колонн ионического ордера, а галереи, окружающие его со всех сторон, позволяют экипажам подвозить зрителей прямо под своды театра. Внутреннее убранство залы богато и изысканно; тридцать восемь лож располагаются пятью ярусами, над ними — галерея в форме амфитеатра. Здесь представляются оперы, балеты, трагедии и комедии, но сейчас приготовления к торжествам вытеснили труппу в Малый театр, расположенный неподалеку; о нем я расскажу тебе позже².

Освещенная тысячей свечей, отражающихся на золотой и серебряной парче, обширная зала императорского театра вместила бесчисленное множество гостей всех рангов, московитов и чужеземцев. Мужчины в мундирах, но без шпаги должны были оставаться с покрытыми головами, а на плечах иметь небольшой плащ из черного шелка с газовой или кружевной отделкой, именуемый венецианом и выполняющий роль маскарадного костюма. Знаки почтения, каких требует обычно присутствие императора и великих князей, были запрещены, и перед членами царской фамилии

гости должны были проходить, не обнажая головы и не кланяясь. Женщинам полагалось явиться в национальном костюме, и лишь немногие ослушались этого предписания. Национальный наряд, кокетливо видоизмененный и роскошно украшенный, сообщал дамским костюмам пикантное своеобразие. Женские головные уборы, род диадемы из шелка, расшитой золотом и серебром, блистали брилльянтами. Корсаж, украшенный сапфирами и изумрудами, заключал грудь в сверкающие латы, а из-под короткой юбки видны были ножки в шелковых чулках и вышитых туфлях. На плечи девушек спадали длинные косы с большими бантиками на концах.

По знаку императора начались танцы, но исключительно полонезы. Польский только условно заслуживает названия танца, представляя собой прогулку по залам: мужчины предлагают руку дамам, и пары степенно обходят большую залу и прилегающие к ней комнаты. Эта долгая прогулка дает возможность завязать беседу, однако любой кавалер может менять партнершу, и никто не может отказаться уступить руку своей дамы другому, прервав едва завязавшуюся беседу. Признания, готовые сорваться с уст, замирают, и не однажды, думаю, любовь проклинала это вынужденное непостоянство, сохраняющее для благородства сердца, уже готовые с ним проститься. Поскольку мое главное удовольствие здесь — наблюдать, признаюсь тебе, что я получал массу удовольствия, глядя на раздосадованные физиономии молодых волокит и милые гримасы на лицах их подружек, когда безжалостно прерывал нежные беседы, не имея возможности возместить нанесенный ущерб.

Вскоре те, кто имел пригласительный билет на ужин, прошли в соседние залы, где столы, уставленные цветами, фруктами и разнообразными блюдами, радовали глаз и обоняние, предлагая гурманам трюфеля Перигора*, птицу Фасиса**, стерлянь Волги, вина Франции и ликеры Нового Света.

Исключив из описания этого праздника переодевание, давшее ему название маскарада, ты получишь картину торжества, устро-

---

* *Перигор* — область Франции, знаменитая своими трюфелями (черный, или перигорский, трюфель считается лучшим из этих земляных грибов).

** *Фасис* — древнегреческое название реки Риони: по ней, согласно легенде, аргонавты вошли в Колхиду и с ее берегов привезли «птицу Фасиса» (фазана).

енного на счет знати и состоявшегося в великолепной зале, где обычно проходят дворянские собрания. Мне нет необходимости подробно описывать бал, ничем особенным не отличавшийся, и я использую день, предоставленный нам для отдыха, чтобы бросить взгляд на театральные постановки, возобновившиеся в связи с церемонией коронования, и на драматическую литературу России.

По причине траура, объявленного по кончине императрицы Елизаветы, театры Петербурга были закрыты, так что в северной столице я не смог бросить любопытствующий взгляд на местную сцену. В Москве эта возможность мне представилась. Я побывал на всех спектаклях, какие были даны, — и что же я увидел?

Переводы «Мизантропа», «Тартюфа», «Исправленной кокетки» и две французские оперы («Новый помещик» и «Жан Парижский»)*.

<...> В Петербурге, как и в Москве, театры состоят в ведении правительства и содержатся на его счет, при том что доход далеко не покрывает издержек: число людей, позволяющих себе удовольствие посещать театр, слишком ограничено, чтобы приносить достаточную выручку, а поскольку аудитория не обновляется, необходима частая смена репертуара. Драматические авторы не получают за свой труд никакого вознаграждения и не имеют даже права [бесплатного] входа в театр, где играется их пьеса. Единственное, что они получают за свой труд, — одно исполнение сочиненной ими драмы в их пользу; при этом представление должно быть третьим по счету, так что, если пьеса не имеет большого успеха, доход их почти равен нулю. Их единственное преимущество состоит в том, что они никогда не бывают освистаны, так как публика выражает здесь неодобрение молча или же покидает зал.

Французского театра нет в Москве с 1812 года. Есть труппа в Петербурге, но она уже не та, что прежде, когда блестали ма-

* На московском театре «Мизантроп» Мольера в стихотворном переводе Ф. Ф. Кокошкина (1816) шел, в частности, 27 августа 1826 г.; комическая опера Буальдье «Жан Парижский» (текст Т. Гадара де Окура, пер. П. И. Крезе де Леси и Ж.-Ф. Роже, пер. А. И. Писарева) — 19 августа и 9 сентября 1826 г. Постановки «Тартюфа» и «Исправленной кокетки» в Москве в этот период в репертуарной сводке, включенной в «Историю русского драматического театра» (Т. 3. 1826–1845. М., 1978), не учтены; возможно, Ансело видел их на любительских сценах.

демуазель Жорж и мадемуазель Бургуэн. Вместо французских трагедий играют сегодня легкую комедию и водевили; неверные подражания нашим второстепенным театрам сменили бессмертные творения Корнеля, Расина и Вольтера. Завоеванная сперва гением наших писателей, а затем силой нашего оружия Европа сегодня наводнена нашими легкомысленными припевами.

Письмо XLI

Сентябрь 1826 года

Среди всех торжеств, коим Москва стала ареной, не было более привлекательного для многочисленной публики, чем праздник, устроенный маршалом герцогом Рагузским, чрезвычайным послом Франции в России. Элегантность и изящество, шедшие рука об руку с великолепием, были главными чертами этого блестящего вечера, где все, казалось, благоухало для нас ароматом отечества.

Я ждал этого момента, мой друг, чтобы рассказать тебе о достойно представившей Францию миссии, появление которой соединило мирные воспоминания с памятью о славе нашей доблестной армии. Чрезвычайное посольство состояло из следующих лиц: гг. виконт Талон, граф де Брой, Дени-Дамремон, генерал-майоры; маркиз де Кастири, граф де Караман, маркиз де Подна, полковники; граф де Дамас, командир эскадрона; граф де Вильфранш, граф де Комон-Лафорс, граф де Брезе, капитаны; маркиз де Воге, граф де Бирон, виконт де Ла Ферроне, подпоручики, в качестве кавалеров посольства; затем гг. де Комеровски, Ашиль де Гиз, Деларю и де Сен-Леже, адъютанты маршала; наконец, гг. Декруа, де Майе и де Дюрас, адъютанты. С некоторыми из этих представителей нашей армии царская столица познакомилась, когда они явились победителями на ее стенах, я же наслаждался созерцанием цвета славы нашего отечества: прежние и новые знаменитости, объединившись вокруг военачальника, поистине достойного представлять новую Францию, образовали вокруг него блестательный венок.

Еще до праздника, показавшего чудеса роскоши и вершины великолепия, г. маршал каждый вторник открывал двери своего дома для московского общества, что позволило нашим офицерам снискать изяществом манер и изысканностью обхождения одобрение нации, уважение которой они уже заслужили на полях сражений.

Чрезвычайный посол Англии* прибыл в Россию с явным намерением затмить французское посольство, на что ему было отпущено четыре миллиона. В этом сражении, однако, наша вечная соперница потерпела поражение, ибо для цели, которую она ставила перед собой, золота было недостаточно: неоспоримое преимущество празднествам, данным г. маршалом, обеспечил хороший вкус, качество гораздо более редкое, чем принято считать. <...> Господин маршал занимал дворец Куракина** на Старой Басманной улице. Как ни богато и ни обширно это здание, но для праздника, который должен был явить французские обычаи на берегах Москвы, во дворе особняка за несколько дней, словно по волшебству, был сооружен еще один огромный зал. Он оказался рядом с великолепной галереей, куда выходят несколько блестящие отделанных гостиных. Чтобы освободить проход для императорской фамилии, один пролет стены был снесен; перистиль и двойная лестница украсились источающими аромат цветами и кустарниками. Вдоль лестницы стояли пятьдесят лакеев в сияющих ливреях, слуги и метрдотели. Офицеры в богато расшитых мундирах выстроились в прихожей, а в следующей зале кавалеры посольства встречали дам, вручали им по букету цветов и провожали на заранее отведенные для них места. Когда пробило девять часов, фанфарызвестили о прибытии императора. Он вошел в сопровождении всей семьи, и начался бал — за чинным полонезом последовал вальс и французские танцы.

Присутствие государя, благосклонное выражение его лица и ласковые слова, которые он обращал к каждому, с кем говорил, оживили веселость танцующих. Глаз встречал всюду стройный порядок, ничем не смущаемое движение, и великолепный праздник, ничем не походя на те, где напыщенность часто соседствует со скучой и тщеславием, стал местом самого искреннего и непринужденного веселья.

Два часа пронеслись незаметно, и вот уже, по распоряжению императора, г. маршал подал сигнал, и распахнувшиеся двери явили восхищенным взорам гостей огромный шатер столовой.

* Имеется в виду Уильям Спенсер Кавендиш, 6-й герцог Девонширский (1790–1858).

** Куракин Александр Борисович (1752–1819), князь — обер-прокурор Сената. В 1798 г. был удален Павлом I от двора и переехал в Москву; в 1800 г. вновь был призван на службу и назначен вице-канцлером. В 1809–1812 гг. — русский посол в Париже.

Свет трех тысяч свечей играл на оружии, украшавшем стены своим воинственным великолепием; стол для императорской фамилии возвышался над остальным пространством, где за тридцатью шестью круглыми столами блистали четыреста дам. Аромат корзинок с благовониями, блеск бриллиантов, радуга цветов и переливы света в хрустале — эта волшебная картина невольно уносила зрителя в один из волшебных дворцов, созданных воображением поэтов. Когда дамы, вслед за царской фамилией, направились в бальную залу, в руках у каждой было по маленькому хрупкому букетику — произведению кондитера, совершенно неотличимому от творений природы.

С необычайной быстротой стол был накрыт снова и позволил мужчинам, до того окружавшим своим вниманием дам и предупреждавшим их малейшие желания, в свою очередь ознакомиться с чудесами наших современных Вателей*. Они должны были признать, что никогда еще московские гурманы не встречали такой тонкой изысканности в сочетании с таким изобилием.

Император удалился в три часа ночи, но праздник продолжался до шести часов утра, и танцы окончились с первыми лучами солнца³. Тем самым молодой монарх, которого еще ни один праздник не удерживал так долго, дал Франции еще одно подтверждение своих добрых чувств. Это было не единственное исключение, сделанное им во время пребывания нашего чрезвычайного посла в России: царь многократно выказывал г. маршалу свидетельства своего особого уважения, адресуя свои добрые чувства равно и Франции, и воину, столь достойно ее представившему⁴.

Письмо XLII

Москва, сентябрь 1826 года

Вчера, мой дорогой Ксавье, императорский охотничий двор, желая внести свою лепту в развлечения, продемонстрировал нам на обширной равнине Сокольники псовую и соколиную охоту. Но то ли представление было худо организовано, то ли мое вооб-

---

* Ватель Франсуа (1631–1671) — метрдотель министра финансов Людовика XIV Н. Фуке, а затем принца Конде. В 1671 г., во время приема короля в замке Шантильи, Ватель, обнаружив, что стол не может быть сервирован в соответствии с его указаниями, посчитал свою честь запятнанной и покончил с собой. Имя Вателя вошло во французский язык как нарицательное обозначение повара-виртуоза.

ражение оказалось слишком требовательным, но это новое для меня зрелище не оправдало моего любопытства. Несчастных зайцев принесли в мешках, по сигналу выпустили двух, и не успели они побежать и нескольких тузов, как им вслед пустили двух огромных длинношерстных борзых, которые мгновенно догнали своих жертв и расправились с ними. Для того чтобы это соревнование на ловкость между силой и слабостью было привлекательно, нужно было бы оставить несчастным животным шанс на спасение; у них же не было никакой надежды, и зрители невольно отводили глаза от неравной схватки, где победа была предрешена заранее.

Двенадцать егерей выехали на равнину верхами, и каждый держал на руке сокола с колпачком на голове; как только предательская свобода была дарована плененным воронам, осужденным на гибель в когтях соколов, птицы-охотники взлетели на большую высоту и стали парить над жертвами, которые отчаянными криками тщетно молили о помощи. Не находя спасения в воздухе, где властвовали их хищные враги, вороны вскоре вернулись искать прибежища на земле. Словно повинуясь таинственному инстинкту, они догадались, что соколы не станут преследовать их в кустарнике, и все усилия заставили их снова подняться в воздух были бесполезны. Только один ворон, доверив свое спасение силе собственных крыльев, поплатился жизнью за эту неосмотрительность.

Теперь мне остается рассказать тебе, мой друг, о четырех последних праздниках, ознаменовавших конец моего путешествия: об обеде, устроенном московским купечеством для императорской фамилии, о балах князя Юсупова и графини Орловой и о празднике, данном императором московскому народу на Девичьем поле.

Купеческий обед происходил в манеже, что против Кремля. Это огромное здание, уже описанное мною, когда я рассказывал тебе об армии, не менее примечательно величием своих пропорций, чем изящностью архитектуры. Отделанное с большим вкусом, украшенное богатыми тканями, заполненное пышно накрытыми столами, оно представляло самое соблазнительное зрелище для гурманов, ибо богатые московские купцы не забыли ни о чем, что могло ласкать взор, щекотать обоняние и услаждать чувства их благородных гостей. На обед были званы представители всех посольств, но император снова нашел возможность выказать Франции особенное свидетельство своего благорасположения. Когда шампанское, пенясь, вырвалось из своего плена, царь

встал и, подняв бокал, положил начало тостам, возгласив: «За моих верных союзников и добрых друзей!» Слова эти, казалось, относились к различным нациям, чьи представители присутствовали на этом пиру, но как только они были произнесены, музыканты, разместившиеся в углу залы, заиграли «Vive Henri IV!», а так как это была единственная прозвучавшая мелодия, то национальная песнь Франции стала искусственным комментарием к словам императора.

Прежде чем представить тебе беглый набросок праздника, данного князем Юсуповым⁵, скажу несколько слов о самом Амфитрионе. Этот старый вельможа — один из последних представителей древней московской знати, сохранивший ее нравы и обычаи. Придворный Екатерины II, в одежде он сохранил верность моде своей молодости, но при этом отнюдь не отказался от совершенно азиатского образа жизни, так что восточный тюрбан был бы ему гораздо более к лицу, чем пудреная прическа, изобретение европейской цивилизации. Возле его кресла неотступно находятся черные рабы, и как только он желает переменить место, один переносит подушку, на которую он ставит ноги, другой берет из его рук длинную трубку, третий несет носовой платок и табакерку, и властелин пересекает апартаменты своего дворца в сопровождении такого кортежа и опираясь на плечи еще двух негров. Нет такого наслаждения, какого он не испробовал бы за свою долгую и сластолюбивую жизнь, и толпа девушек, чья жизнь находится в его полной власти, до сих пор образует вокруг него подобие гарема, где он ищет уже не удовольствия, но живительного влияния, какое присутствие молодости оказывает на одряхлевший организм. Подобно Титону*, он оживает рядом с женщинами, которые вянут и блекнут при его приближении.

Прежде большинство богатых московских господ держали в своих обширных дворцах собственные театры и специально обученные рабы оживляли драматическими представлениями бесконечные праздники, призванные свидетельствовать о процветании их хозяев. Но сегодня состояния аристократов уже не столь огромны, а изменения, привнесенные в обычай и образ мыслей российского дворянства сношениями с европейскими

---

* Титон (*Тифон*) — сын мифического царя Трои Лаомедонта. Влюбившаяся в него богиня Эос похитила Титона и выпросила для него у Зевса бессмертие, но забыла попросить о вечной молодости.

народами, уничтожили эту пышность. Феодальная роскошь день ото дня слабеет и уже почти не видна, однако остатки ее нам удалось застать на этом празднике, состоявшем из спектакля, бала и ужина.

Сначала итальянские артисты сыграли небольшую оперу* в элегантном театре дворца; небесно-голубая с серебром обивка стен придавала зале одновременно грациозный и блестящий вид, не затмевая при этом пышности туалетов. Впрочем, зала эта навеяла на нас грустные мысли: именно здесь в 1812 году при Наполеоне разыгрывались французские комедии и водевили; многие члены нашей посольской миссии сидели на тех же местах, что занимали четырнадцать лет назад в этом же дворце, избежавшем пожара; а сколько бравых воинов, погибших вскоре в водах Березины, лелеяли здесь заветные надежды и предавались нежным воспоминаниям под звуки родных напевов!

После спектакля мы прошли в танцевальные залы, убранные с большой пышностью, но не прошло и двух часов, как преображеный в столовую театр вновь принял под свои своды удивленную толпу. В ложах поместились пышно сервированные столы, а стол для императорской фамилии был накрыт на сцене.

Удивительный порядок царил на этом празднике, продлившемся далеко за полночь и услаждавшем гостей разнообразными удовольствиями.

Графиня Орлова сделала все возможное, чтобы оспорить победу в ежедневном соревновании пышности и великолепия, на коем нам довелось присутствовать. Возможно, она добилась бы ее, если бы для этого достаточно было только роскоши и богатства, если бы все было идеально продумано и если бы некоторые важные детали не были упущены из виду.

Тысяча двести человек собрались в огромном манеже, превращенном в бальную залу, убранство коей напоминало греческий храм. Высокие апельсиновые деревья в вазах, увитых позолоченными гирляндами, возвышались на окнах. Три люстры прекрасной формы изливали потоки света на танцующих; однако число гостей было недостаточно для такого огромного помещения, и самый оживленный контрданс не прогонял прохлады, а темная листва деревьев и суровый декор залы наводили на все тень грусти, которую не могли победить звуки музыки.

* «Le cantatrici villane» («Деревенские певицы»), опера В. Фиораванти.

Если бальная зала оставляла желать много лучшего, то полный реванш графине удалось взять в зале, назначенной для угощения. Ужин был подан под огромным шатром в восточном вкусе, поражавшим своим великолепием. Шатер этот, возведенный с быстротой, не возможной ни в какой другой стране и на какую способны лишь русские мастера, напомнил зрителям о славном эпизоде из истории рода Орловых: он повторял очертания шатра, некогда подаренного персидским шахом графу Орлову, деверю графини⁶. В продолжение ужина оркестр кавалергардов играл бравурные мелодии, а несметное число лакеев в серебряных галунах предупреждали малейшие желания гостей.

Возможно, мой друг, ты так же, как и я, устал от всей этой роскоши, вероятно однообразной в моих дотошных описаниях; но все это наконец завершилось, а зрелище, представшее перед нами на Девичьем поле, было совершенно иным. На этом обширном лугу было возведено множество изящных павильонов из еловых досок, покрытых разноцветными тентами. Это были легкие беседки, греческие храмы, восточные шатры, колоннады, открытые галереи, замки и фонтаны. Накрытые длинные столы отличались невероятным обилием всевозможных блюд и возбуждали алчность толпы, которая, удерживаемая веревочной оградой, с нетерпением ждала момента, чтобы наброситься на приготовленные для нее яства. Наконец появились император на коне и императорская фамилия в экипаже; они дважды объехали поле. Как только они заняли места в предназначенном для них павильоне и царь произнес: «Дети мои, все это для вас!» — двести тысяч человек ринулись к столам. Меньше чем за минуту они заполнили все палатки. Все, что можно было съесть или унести, было расхвачано, разодрано и поглощено с невообразимой стремительностью. После этого они набросились на фонтаны, извергавшие потоки вина, и все, кто мог дотянуться до них, напились вина так, что полностью утратили человеческий облик. Тем не менее плясуны на канате и наездники собрали немало любопытных, в то время как на другом конце поля наполнялся газом огромный шар, который должен был подняться в воздух. Однако, едва оторвавшись от земли, он лопнул, и то удовольствие, которое предвкушали зрители, исчезло в густом черном дыму. Но и это еще не все! Осевшее полотно накрыло множество людей, которые из-за давки не смогли отбежать в сторону, а теперь не могли выбраться из-под гигантского савана, пока не разорвали его в клочья под улюлюканье окружающих.

До этих пор отвратительное зрелище дележа дармовой добычи было не менее удручающим, чем то, что каждый год можно наблюдать в Париже на Елисейских Полях, но вскоре беспорядок принял более серьезный оборот. Поняв слова императора «все это для вас» буквально, толпа стала карабкаться на возведенные для благородной публики павильоны и амфитеатры со стульями и креслами, предоставленными городскими властями. Еще не вся публика успела покинуть эти хрупкие строения, как чернь начала овладевать банкетками и стульями и срывать драпировку и украшения, невзирая на вмешательство гвардии и полицейских, которые, с самого утра орудуя кнутами, могли оказывать лишь слабое противодействие. Не довольствуясь мебелью, народ, чья алчность разжигалась опьянением, стал крушить помосты, раздирая их на части и вырывая друг у друга доски, когда прибыл извещенный о беспорядках обер-полицеймейстер генерал Шульгин* во главе эскадрона казаков. Однако все их старания и жестокие наказания грабителей по-прежнему не приносили успеха. Тогда генерал призвал пожарных, располагавшихся на краю поля, и вскоре, преследуемые казаками и опрокидываемые струями воды, разбойники отступили.

Вот как закончилось то, что называется здесь народным праздником, хотя рассказ мой дал тебе лишь отдаленное представление об этом жутком зрелище**.

Письмо XLIII

Москва, сентябрь 1826 года

Мне не хотелось, мой дорогой Ксавье, прерывать рассказ о праздниках, чтобы снова обратить твои мысли к несчастным жертвам заговора 26 декабря, однако много раз среди этих балов и блестящих собраний я невольно вспоминал о них. Если уголовное законодательство оставляет еще желать в России много лучшего, в этом случае, по крайней мере, воля императора сгладила его недостатки, и необычная гласность этого процесса, окружавшая его

* Шульгин Дмитрий Иванович (1786–1854), генерал-майор, московский обер-полицеймейстер в 1825–1830 гг.

** Выдержки из различных источников о народном празднестве приводятся Н. М. Сперанской в подстрочных примечаниях к книге Ф. Ансело.

торжественность и свобода, предоставленная защите, даровали обвиняемым шанс на спасение, а нации — возможность самой высказаться об этом деле, не окруженному немыми потемками, как то бывало во времена деспотизма. Отчет следственной комиссии и тексты приговоров печатались во французских газетах*, так что мне нет нужды повторять тебе то, что и так известно: ты знаешь, что император смягчил все приговоры, что пятеро заговорщиков, осужденных на ужасную древнюю пытку, были избавлены от мучений и просто приняли смерть**. Мужество, оставившее их было в ходе следствия, вернулось в решительный момент, и их последние минуты не были омрачены слабостью. Пять виселиц были возведены возле петербургской крепости. Осужденные были одеты в длинные серые робы, капюшоны которых закрывали им головы, и это одеяние стало роковым для двоих из них. Веревка неплотно обтянула их шеи, соскользнула по полотну, и несчастные сорвались и поранились. Это происшествие, однако, ничуть не ослабило их мужества, и один из них, снова взойдя на эшафот, воскликнул: «Я не ожидал, что меня будут вешать дважды!»

Другие заговорщики приговорены к каторге в Сибири, и срок их изгнания зависит от меры их вины. Все они принадлежат к самым знатным российским семействам, и первым из них следует признать князя Трубецкого, подлинного руководителя заговора, который, проявив слабость в решающий день, содрогнулся перед эшафотом, умолял императора пощадить его жизнь и был помилован⁷. Эти несчастные движутся сейчас к далекому месту долгих страданий.

Все мы полагали, что эта кровавая катастрофа, случившаяся почти накануне церемонии коронаования, омрачит празднества, ибо в России почти нет семьи, где не оплакивали бы ее жертв. Каково же было мое изумление, мой друг, когда я увидел, что родители, братья, сестры и матери осужденных принимают самое живое участие в этих блестящих балах, роскошных трапезах и пышных собраниях! У некоторых из этих аристократов естественные чувства были заглушены самолюбивыми притязаниями и при-

---

* Донесение Следственной комиссии печаталось полностью в парижских газетах «Quotidienne», «Drapeau Blanc», «Moniteur Universel» и «Journal des Debats» (19–23 июля 1826).

** Первоначально П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, П. Г. Кауховский, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин были приговорены к четвертованию.

вычкой к раболепству; другие, пресмыкающиеся перед властью, опасались, что проявление печали будет истолковано как бунт; их унизительный страх был несправедлив по отношению к государю. Если в деспотическом государстве подобное забвение родственных чувств можно объяснить природной слабостью человека, стремящегося к приобретению в определенном возрасте чинов и состояния, то что же можно сказать в оправдание матерей, достигших преклонных лет, которые, когда годы уже клонят их к могиле, являются каждый день, усыпанные брильянтами, на шумных публичных увеселениях, в то время как их сыновья влакатся по пути страданий, быть может, навстречу гибели? Это тягостное зрелище ранило наши взоры на всех праздниках, которые я описал тебе! Следует, однако, добавить, что нашлось несколько женщин, не последовавших этому примеру. Так, юная княгиня Трубецкая* добилась разрешения присоединиться к своему супругу и оставила все удовольствия богатства, чтобы отправиться в холодный край и там разделить и облегчить страдания изгнанника. Другая, прелестная француженка**, которую нежные узы связывали с одним из осужденных, продала все, что имела, дабы последовать в Сибирь за несчастным предметом своей любви, и ее благородное самоотвержение узаконило их союз. Душе, оскорблённой зрелищем рабства и всех низостей, от него происходящих, необходимы эти редкие и достойные уважения исключения: они приносят ей утешение⁸.

* Трубецкая Екатерина Ивановна (урожд. графиня Лаваль; 1800–1854), княгиня — жена С. П. Трубецкого.

** Полина Гебль (1800–1876), ставшая супругой И. А. Анненкова.